

EDN: IZINYA
УДК 82–94:392(571.51)“1890/1899”

“The Seminarian”: Notes on the Life and Customs of Krasnoyarsk in the 1890s in the Early Samples of Attempts at Writing by Teacher-Philosopher P.P. Ustyugov (Part 1)

Olga A. Karlova*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 25.03.2024, received in revised form 01.04.2024, accepted 14.05.2024

Abstract. The article introduces into scientific circulation information about the deciphered manuscript of the early work of the teacher of the Yenisei province of the XIX–XX centuries, the author of the philosophical essays P.P. Ustyugov “Seminarist”, found in the archive of the Krasnoyarsk writer-historian A. I. Chmykhalo. The article publishes separate fragments of the manuscript with socio-cultural and literary-critical comments on the life and customs of Krasnoyarsk in the 1890s, gives a historical and literary assessment of the first samples of P.P.’s pen. Ustyugov, known as the “king of Takmak”, analyzes the chronotope and semantic “toponymy” of the notes, characterizes such a regional literary phenomenon as the Siberian moral life writing.

Keywords: siberian moral life writing, early views of the teacher-philosopher P.P. Ustyugov, semantic “toponymy” of the text, cyclical, everyday, adventurous and morally self-reflective time of notes, religious and ethical sentiments of Krasnoyarsk youth at the turn of the twentieth century, description of the mores of Krasnoyarsk in the 1890s.

Research area: Theory and History of Culture and Art

Citation: Karlova O.A. “The Seminarian”: Notes on the life and customs of Krasnoyarsk in the 1890s in the early samples of attempts at writing by teacher-philosopher P.P. Ustyugov (Part 1). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(7), 1269–1276. EDN: IZINYA

«Семинарист»: заметки о быте и нравах Красноярска 1890-х годов в ранних пробах пера учителя-философа П.П. Устюгова (Часть 1)

О.А. Карлова

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Статья вводит в научный оборот информацию о расшифрованной рукописи раннего произведения учителя Енисейской губернии XIX–XX вв., автора философских эссе П. П. Устюгова «Семинарист», найденной в архиве красноярского писателя-историка А. И. Чмыхало. В статье публикуются отдельные отрывки рукописи с социокультурными и литературно-критическими комментариями о быте и нравах Красноярска 1890-х гг., дается историко-литературная оценка первым пробам пера П. П. Устюгова, известного как «король Такмака», анализируется хронотоп и смысловая «топонимика» заметок, характеризуется такое региональное литературное явление, как сибирское нравоучительное бытописание.

Ключевые слова: Сибирское нравоучительное бытописание, ранние воззрения учителя-философа П. П. Устюгова, смысловая «топонимика» текста, циклически-бытовое, авантюрное и нравственно-саморефлективное время заметок, религиозно-этические настроения красноярской молодежи рубежа XX века, описание нравов Красноярска 1890-х гг.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Карлова О. А. «Семинарист»: заметки о быте и нравах Красноярска 1890-х годов в ранних пробах пера учителя-философа П. П. Устюгова (Часть 1). Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2024, 17(7), 1269–1276. EDN: IZINYA

Введение: рукопись и ее автор

Рукопись раннего произведения «Семинарист» учителя Енисейской губернии и философа П. П. Устюгова, известного как «король Такмака» (Красноярские Столбы), была найдена в числе прочих его документов и произведений в архиве писателя-историка Анатолия Ивановича Чмыхало. Среди найденных материалов П. П. Устюгова есть дневники дореволюционного и советского периодов, черновики официальных документов и обращений в разные инстанции, записки о положении учителей в Енисейской губернии, заметки к учебным программам и конкретным урокам, философские эссе на различные темы.

До сих пор о Павле Прокопьевиче Устюгове было известно не очень многое. Основные сведения содержатся в архивных записях А. Л. Яворского об Устюговских стоянках на Красноярских Столбах: на Большом Такмаке (1915–1924 гг.) и Малом Такмаке (1924–1928 гг.). Родившийся в 1871 году на юге Енисейской губернии в Абаканском уезде, П. П. Устюгов поступил по окончании школы в Красноярскую учительскую семинарию, окончил ее в 1891 году, учительствовал в с. Покровка Ачинского уезда, затем был упомянут в архивах как учитель в школе при Абаканском железоделательном заводе (Абаза). С 1909 года в течение двух лет учительствовал во 2-м классном училище в Теси Минусинского уезда. Вернувшись

в 1911 году в Красноярск, он продолжил учительскую деятельность, преподавая науки в 1-м народном училище. С этого периода он безвыездно жил в Красноярске. Глубоко увлеченный природой Красноярских Столбов, он сначала основал небольшую дачку на Базаихе, где жил с семьей (жена, два сына и дочь), исследуя скалы выше по Енисею, в частности Шелонин Бык. Затем его внимание привлек Большой Такмак, где он фактически проводил все выходные дни с 1915 по 1924 год. В 1924 году он подготовил себе более доступную и удобную стоянку на южной стороне Малого Такмака, где поселился после выхода на пенсию в 1925 году, писал свои поздние философские работы, посвящения Духу Гор и стихи. Умер в 1934 году, а в 1938-м его стоянка была разрушена администрацией заповедника и сожжена. Дочь Анфиса Павловна Устюгова, также учительница, чаще других посещавшая отца на Такмаке и разделявшая его увлечение природой Столбов, а также его «соседи» по Столбам Евгений Иванов и Василий Львов, по свидетельству А.Л. Яворского, говорили: «Много чего писал Павел Прокопьевич, но спрашивать было неудобно». Теперь, расшифровывая найденные тексты рукописей П.П. Устюгова, мы сможем постепенно ответить на этот вопрос.

Первые из расшифрованных ранних литературных заметок – «Семинаристы К-ой учительской семинарии. Р. с эпилогом П.П. Устюгова», начало которых датировано на обложке 20 ноября 1889 года. Рукопись имеет приписку «Материалы для описания. Всякая всячина» и представляет собой 104 рукописные страницы (более 50 стандартных страниц расшифровки), разделенные на 13 отдельных эпизодов, время завершения которых обозначено датой 22 июля 1891 года, когда учеба П.П. Устюгова в Красноярской учительской семинарии подошла к концу. Тексту предшествуют два своеобразных эпиграфа: «Роман есть дело творческое, требует для исполнения спокойствия духа и воображения», по словам Ф.М. Достоевского. Тургенев говорил: «В деле сочинительства всякий (сужу по себе) делает не то, что хочет, а то, что мо-

жет – и насколько удастся». Этот комментарий к словам великих писателей предпослан автором собственным описаниям, впечатлениям и исповедальным откровениям, видимо, с целью ободриться и укрепить решимость попробовать себя на литературном поприще.

Хронология заметок: места событий душевной жизни

Топонимика записок относится к Красноярску и его окрестностям 1890-х гг. В нее входят названия некоторых улиц и описание отдельных домов города, прежде всего помещений учительской семинарии, которая в эти годы находилась в доме Волкова на перекрестке Воскресенской улицы и Покровского переулка (ныне двухэтажный особняк Мира, 47), а также некоторых квартир семинаристов, которые проживали недалеко от семинарии, чаще всего на улице Песочной, ныне Урицкого, а также Садовой и Береговой (ныне улицы Богграда и Дубровинского). В эпизоде «Семинаристы. Братская выпивка» ночной Красноярск описывается коротко: «Ночь была светлая лунная, хотя и довольно холодная, по причине осеннего времени. Улицы были совершенно пусты и скучны: только протяжный лай собаки, стук и свист бикетчика (уст. участник охраны реки от иногородних, надзора за местами залегания рыбы на зиму – О.К.) нарушал мертвую мрачную тишину спящего города» (Ustyugov: 71). «Нужно было идти на Покровский переулок, недалеко от набережной. А наша Песочная улица еще ближе к саду, улица порядочная, благопристойная, а чем дальше на низ, тем хуже в нравственном отношении, хуже от различных публичных учреждений по части проституции. Место, где Песочную улицу пересекает Больничный переулок – самое неблагопристойное, как по приличию, которым обладают жильцы этих домов, так и по крайней распущенности и развращенности нравов. Идти приходилось здесь, я спешил пройти это место, как можно скорее: мне было крайне неприятно и жалко смотреть на эти притоны разврата души и ума» (Ustyugov: 72–73).

Встречаются в записках и описания окрестностей Красноярска, например пейзаж на реке Бирюсе, который был зарисован в послании автора своему наставнику А.С. Еленеву так: «Вы думаете, я забыл наш с вами разговор там, среди Бирюсинских пещер, ночью в шалаше на берегу реки Бирюсы при свете костра, разложенного в дверях нашей походной палатки. Нет, не забыл: картина этой замечательной для меня безлунной, такой теплой летней ночи, вместе с палаткой и с костром крепко врезалась в мою память и сильно повлияла на воображение» (Ustyugov: 99).

Как мы видим, описания топонимов в заметках достаточно скупы, и очевидно, что не они составляют предмет его литературных усилий. К некоторому сожалению краеведов, смысловая «топонимика» записок носит не столько исторический, сколько этико-культурный и даже саморефлективный характер. Записки совсем не случайно начинаются с поисков комфортного пространства жизни. «4 октября 1889 года я был крайне не в духе. Весь этот день я рыскал, как собака, и отыскивая себе квартиру. Беда с этими квартирами; таскаешься, таскаешься, а толку мало! Найдешь, например, себе квартиру, поживешь немного, кажется, не хорошо – не ладно, стеснения, – уходишь и таким образом постоянно переходишь с одного места на другое. Когда же, наконец, кончится это перекочевание! Все ищешь квартиру получше, поудобнее, а попадаешь из огня да в полымя, в самую худшую. Так что впоследствии не без сожаления вспоминаешь разлуку с прежней квартирой. Вот теперь я на новой квартире, но не ручаюсь, что заживу на ней, потому что с первых же дней моего пребывания она показалась мне квартирою, неудобною для меня. Даже по первому моему разговору с хозяйкой нанимаемой квартиры я верно заключил, что совершенно не туда попал, куда я заранее думал, и уже раскаивался в душе в данном хозяйке слове перейти на ее квартиру. Но, как известно, не давая слово – крепись, а давши слово – держись, то я и решился уже перейти, что бы там впереди не было. Не лежит у меня сердце на этой квартире и дай Бог прожить на ней

хоть месяц!» (Ustyugov: 3–4). Этот поиск места, в котором не просто было бы комфортно, но в котором бы нашла «тихое и доброе пристанище» душа семинариста, постепенно превращается в описание череды мест, где с семинаристом происходят события, возмущающие его душу и ум, противные его нравственности и его представлению о правде и справедливости.

Заметим, что такие события происходят с автором практически во всех «местах бываний» в губернском городе. Несколько эпизодов текста посвящены семинарии. Среди них подготовка к конференции по разбору уроков, данных воспитанниками («Сентябрь, 19 числа 1890 г. Среда»), которая закончилась для автора – вопреки его представлениям о справедливости – четырьмя штрафными часами пребывания в семинарии. В эпизодах «Я грубый непочтительный человек», «Заметки о наставниках. Д.В. Никитский», «Алекс. Серг. Еленев» идет речь о таких обычных приметах обучения того времени, как выбор учителями любимчиков, разное понимание справедливости наказаний, частая взаимная неприязнь и редкая обоюдная симпатия семинаристов и наставников, отношение в семинарии к богатым и бедным ученикам. Таким образом, можно утверждать, что повторяющиеся изо дня в день посещения «мест бываний» привлекают внимание автора лишь тогда, когда эти места трансформируются в места событий, приводящих к большим и малым неприятностям, а порой и авантюрам. Это касается не только семинарии: то же самое происходит и с квартирами, где снимают жильё семинаристы. Время повествования в таких случаях иногда переходит из циклического в авантюрное, по законам описанного М.М. Бахтинам авантюрного романа, как, например, в эпизоде «Семинаристы. Братская выпивка», где описывается встреча с проститутками, ссора и драка приятелей. Но чаще всего в заметках П.П. Устюгова циклически-бытовое и даже авантюрное время неизменно переплавляется в другую реальность, существующую как бы параллельно: на первый план выходит нравственно-оценочный хронотоп душевных переживаний автора и его саморефлексии.

Отсюда и характерные для стиля записок повторы субъективных оценок, скрупулезные уточнения эмоциональных ощущений, многочисленные попытки по-разному аргументировать те чувства, которые обуревают пишущего. «Мне стало крайне неприятно после такого сюрприза, поднесенного нам хозяйкой. Живя с ней в ладу, я чувствовал себя в квартире как в своем собственном доме, теперь же чувствую себя, как чувствует человек, неожиданно попавший в незнакомый совершенно ему дом, в совершенно незнакомые люди, которых он первый раз от роду видит. Право, ужасно плохо жить среди таких бесчувственных грубых душой людей, которые во всем видят только материальную сторону жизни. Поселясь у Тиреевой на квартире, я думал, что найду в ней свое собственное счастье и спокойствие; я доверился ее человеческому чувству любви к ближнему и, видя ее ласковою, вежливою, думал, что она это делает от души, а она оказывается... совсем не то... Эх, Александра Сысоевна, жалко мне тебя. Зачем же я из-за тебя страдаю, зачем ты делаешь из меня худого человека, зачем делаешь язвы в моей душе, вечные, неизлечимые по отношению к людям язвы! Я черств теперь к людям, я не могу отдаться им... я не виноват, что я презираю теперь людей в их нравственном падении! Александра Сысоевна! Александра Сысоевна! Александра Сысоевна!» (Ustyugov: 58).

Внимательное прочтение эпизодов обращает внимание на важный аспект анализируемого циклически-бытового хронотопа записок, от которого зависит последующая трансформация пространственно-временного континуума. Как показывает повествование, диалог двух людей позволяет им понять друг друга и даже найти приемлемое решение возникающих проблем. Но вмешательство в этот диалог других людей – по разным причинам – с неизбежностью приводит или к срыву договоренностей, разочарованию, как в эпизоде «Неприятности квартирной жизни», или к несправедливому решению, как в главке «Сентябрь, 19 числа 1890 г. Среда», или к ссоре и драке, как в разделе «Семинаристы. Братская выпивка». Такие

события чаще всего происходят в разговорах или выяснениях отношений группой людей (семинаристов, семинаристов и наставников, семинаристов и хозяйки; семинаристов и барышень; семинаристов и гимназисток, семинаристов и проституток и др.), чьи характеры, нравы или имущественные интересы не совпадают. Двум людям, как показывает автор, значительно легче договориться, поскольку они настраиваются друг на друга, беспокоятся о своих отношениях. Все, что так или иначе выносятся в публичное пространство, подвержено случайностям постороннего вмешательства, воздействию разнонаправленных мотивов окружающих людей и их оценок, а потому становится потенциально опасными ссорой или жизненным дискомфортом. Почти все конфликты в заметках начинаются с вынесения отношений и обсуждений на публику, отсюда и такой аспект субъективно-рефлексивной «топонимики», как возникновение конфликтов в публичных местах – на самых неблагополучных улицах и переулках Красноярска, в классах учительской семинарии, в общей комнате домов семинаристов (зала, кухня, гостиная). Места, где люди встречаются на уроках, за совместными завтраками или ужинами, на вечерних гулянках, чаще всего превращаются в «поле словесных баталий» и выяснений, «кто есть кто».

Идентификация среды: искушения и опыт

В 80-е годы XIX века в России, как писал Ф.М. Достоевский, общественная среда считалась главным фактором формирования личности. Особенно популярна теория среды была у присяжных поверенных и у других судебных при объяснении и оправдании поступков подзащитных. Взгляды П.П. Устюгова этого периода также лежат в этом русле.

Среда семинаристов описывается автором довольно критично уже с первых страниц. Эпизод «Религиозность некоторых семинаристов» стоит в заметках третьим по счету, из чего можно заключить, что проблема материалистического духа учащейся

молодежи этого времени и непочтения к религии привлекает внимание автора едва ли не в первую очередь. «У нас есть такие субъекты, которые ни в Бога не верят, ни людей не чтят. Их немного. Это люди с развитым умом, с богатым воображением, и горячим сердцем, это, я скажу, прекрасные поистине люди, если б только не увлекались крайностию, не рассуждали слишком много о таких вещах, которые они в данное время не могут разрешить собственным умом» (Ustyugov: 10). Именно то, что столь сильно заблуждаются развитые и поистине прекрасные молодые люди, представляется автору и досадным, и опасным. «Мне попался альбом одного из таких господ (Прилуцкого), из которого я и привожу некоторые стихотворения (Ustyugov: 11):

...Мир устанет от мук, захлебнется
в крови,
Утомится безумной борьбой, –
И поднимет в любви, в беззаветной
любви
Очи, полные скорбной мольбой!
(С. Надсон, 1880)

Это о будущности, ожидающей людей, о счастливой, приятной, по мнению этих господ, будущности... А вот стихотворение, в котором выражается оттенок гордости и самолюбия, не свойственный истинно-христианскому учению (С. 12–13).

...И если мой вопрос замолкнет без
ответа,
И если с горечью сознаю я умом,
Что никогда лучом желанного рассвета
Не озарит мне мглы, чернеющей
кругом, –
К чему мне ваша жизнь без цели
и значенья?
Мне душно будет жить, мне стыдно
будет жить, –
И полный гордости и мощного
презренья,
Цепь бледных дней моих без слез
и сожаленья
Я разом оборву, как спутанную нить
(С. Надсон, январь 1883)

Это насчет разумности сознательной жизни. И все Надсона. А по сердцу же пришелся им этот поэт» (Ustyugov: 14–15).

Разрыв с религией – тот фундамент, на котором, по мнению автора заметок, зиждется людское недовольство обычаями и увлечение культовыми в этой среде поэтами, такими как Надсон и Рылеев. Приводя значительные по объему отрывки из их стихов, автор выражает сомнение в том, что такие призывы к борьбе, к насилию и есть истинное призвание человека, поскольку заявленная гордыня противна истинно-христианскому учению. Вместе с тем очевидно, что выраженное в этих стихах болезненное самолюбие в противостоянии с миром, которое составляло своеобразный нерв произведений культового в то время поэта Надсона, являлось само по себе серьезным нравственным искушением для молодежи рубежа столетий.

Вообще тема искушений, которым подвергается семинарист и его собратья по учебе, в заметках П. П. Устюгова выходит на первый план. «Семинаристская среда», помимо отрицания религии, чревата целым рядом социальных и индивидуальных пороков. В частности, уже в первой части заметок описаны семинаристы-«кочевники», привыкшие жить за чужой счет и посулами сманивать соседей с собой на новые квартиры. «Виновником моих странствований послужила своя же братия семинаристов. В семинарии у нас есть такие личности, для которых эта перемена квартир – приятное препровождение времени. Они жить не могут без того, чтобы не пошляться по квартирам или даже в доме. Оседлости никакой! Так вот раз мне также пришлось столкнуться с такими господами и пожить вместе. Им кажется все нехорошо, лишь бы искать повод уйти, как следует, с квартиры. И так, я жил с такими людьми. Уходя с квартиры, они сманивают с собой и других, потому что живут по большей части за счет другого («Чего тебе киснуть-то на этой квартире, как будто и квартир в городе мало. Ну, что ты тут особенного нашел? А я, брат, по совести тебе скажу, хорошую квартиру на-

шел. Право, не хочешь ли посмотреть? Пойдем. А квартира, право, отличная, светлая, чистая... В такой квартире я еще ни разу не жил. Пойдем, я тебе уже лгать не буду, поверь мне, раскаиваться не будешь»). Наконец, они так прельстят удобствами данной квартиры и разовьют отвращение к занимаемой, что твердо, без всякого колебания решаешься оставить квартиру и переехать на другую. А другая квартира оказывается еще хуже первой и таким образом уже поневоле снижаешься. Теперь я на новой квартире, а улицу право же не знаю, как она прозывается, ну да черт с ней. Вот что-то дальше будет, интересно!» (Ustyugov: 4–5).

Поддаться на посулы идеального жилья – лишь малое из искушений. Другое, более тяжкое по последствиям – обычай выступать во всем сообща. Такое «товарищество», как показывают события, мешает молодому человеку принять решение, сообразное его собственным взглядам, часто заставляя сдерживать даже лучшие свои порывы, чтобы «не выделяться». Так, в частности, происходит 29 сентября 1890 г, когда после всенощной все, жившие на квартире, согласились сообща просить сбавки с уплаты. «Всем казалось дорого (12 р.) сравнительно с квартирою прочих воспитанников. Переговорить с хозяйкой поручили мне, как человеку, имеющему почему-то большое влияние на хозяйку. Делать нечего, я согласился, хотя не желал бы иметь с ней объяснение по этому поводу. Я такой, что если я имел с хозяйкой объяснение на съем квартиры и не сошелся во мнениях, то я немедленно ухожу от нее: не люблю ссориться или говорить насчет квартиры. Здесь и самому неловко и хозяйке нехорошо. Если из-за квартиры произойдет размолвка и придется жить на этой же квартире, то хозяйка может все подумать. Она может подумать, что она еще очень хорошо нас содержит, коли мы с ей не сошлись во мнениях и все-таки остались жить по такой цене за квартиру, какую ей нужно. Она будет к нам относиться так, как будто мы у ней живем, якобы из милости и кормить, понимает-

ся, будет чем попало. Это крайне нехорошо и не делает нам чести. А, беря на себя объяснение с хозяйкой, я давно уже знал, что из этого путного ничего не выйдет, и себя-то унизишь, ни за что, ни про что. Оно так и случилось» (Ustyugov: 48–49). Раздел «Неприятности квартирной жизни» довольно подробно описывает безрезультатные коллективные переговоры юношей со своей квартирной хозяйкой. Договориться о сбавке платы автору удается только в разговоре один на один, но все это долгое и подробное обсуждение с оскорбительными аргументами и взаимными упреками не проходит для автора даром. Публичная дискуссия приводит юношу к пониманию двух вещей. Во-первых, хозяйка, которую он считал очень сердечным и добрым человеком, на деле оказывается довольно грубой, неуступчивой и падкой на деньги. А во-вторых, и само «квартирантское сообщество» оказывается совсем не братским: соседи показывают свою жадность и вредность нрава. Собратья по семинарии, в частности Ларионов, просят автора повлиять на хозяйку, одновременно упрекая в том, что он пользуется ее расположением. «- Ты вот у ней брал займы керосину. – Брал. – И она тебе беспрекословно, а я попросил, когда у меня не случилось, она заругалась... – А у тебя, как нарочно, будто вышел весь керосин... тогда, когда и у меня, вышел – ни раньше ни позже не брал. Мало она тебя ругала. Я взял – и тебе тоже непременно нужно. Устюгов взял – и тебе надо взять – обезьянья привычка! -Обезьянья! – передразнил он меня. -Ты взял – а мне нельзя! -Можно, да не в одно время. Не возьми я у ней керосину, и ты ведь не взял бы, а потом мог бы купить. А ты все на поперек. Ты вот нарочно не пошел и не купил керосину. Если я взял, так и тебе нужно взять. Что же ты приходишь ко мне? Сам виноват, а еще не доволен. Жадная натура. Пошел от меня после этого и не приставай ко мне со своими обезьяньими привычками» (Ustyugov: 61–62).

Таким образом, осмысление бытовых конфликтов в заметках часто переходят

дит в плоскость нравственной оценки их участников и саморефлексию, и хотя эти выводы не описаны подробно, очевидно, что умение противостоять подобному «товариществу» рассматривается автором как способ формирования этического кодекса личности.

Приложения / Applications

Список литературы / References

Bakhtin M. M. Forms of time and chronotope in the novel *Epic and novel*. Moscow: Azbuka, 2000. 301.

Bykonya G. F., Fedorova V. I., Bezrukikh V. A. Illustrated history of Krasnoyarsk region (XVI- early XX century). Krasnoyarsk: RASTER, 2002. 240.

Inscriptions with a history. "Ustyugovskaya Playground" – poetry in stone URL: <https://shoggoth24.livejournal.com/3346.html> (date of application: 23.03.2024).

Dedications to P. P. Ustyugov (poems) URL: <https://stolby.ru/library/literatura/ustugov-5-asp> (date of application: 23.03.2024).

Potapov I. F. Krasnoyarsk. The story of photographs and documents. Krasnoyarsk: Offset, 2011. 327.

Ustyugov P. P. Historical documents. URL: <https://stolby.ru/library/dokumenty/ustugov-1-asp> (date of application: 23.03.2024)

Ustyugov's parking lot on Bolshoy Tokmak (text by Yavorsky A. L. according to GAKK documents) URL: <http://mx.slimpbx.ru/mat/Yavorsky/GAKK/006/059-073/001.asp> (date of application: 23.03.2024).

Ustyugov's parking lot on Maliy Tokmak (text by Yavorsky A. L. according to GAKK documents) URL: <http://old.stolby.ru/mat/Yavorsky/GAKK/006/038-058/001.asp> (date of application: 23.03.2024).

Yavorsky A. L. Stolby, Krasnoyarsk. Trend, 2008. 479.